

Дунай Иванович (3)

Во городе стольном Киеве
У ласковаго князя у Владимира
Завелся у князя почесен пир
На тех князей, бояр толстобрюхих,
На дальних гостей — купцей торговых,
На честных жен ихних, на купеческих,
На руських могучих на богатырей,
На алых палениц да преудалых,
На тех мешшан да пригородных,
Людей посадских,
На всех крестьян да православных.
Пир идет у князя о полупира,
Стол идет о полустола,
День идет ко вечеру,
Солнышко катится ко западу,
Князь-от стал да пьянешинек,
Пьянешинек, да веселешинек,
По полу стал похаживать,
С ноги на ногу переступывать,
Тихо-смирну речь стал князь да выговаривать:
«Все молодцы сидят у меня да поженены,
Красны девушки все повиданы,
Один я, солнышко, холост хожу,
Холост хожу, да не женат живу.
Не знат ли кто мне полюбовницу,
Полюбовницу, да супротивницу?
Мне така нужна: станом статна,
Да полна возрастом,
Лицом бела, да волосом руса,
Речь-говоря — тихо-смирная,
Тихо-смирная, да со умылкою».
Все тогда на пиру приумолкнули,
Большон-от хоронится за среннего,
А сренней — за меньшаго,
От меньшого большому ответу нет.

Из-за того стола серенного,
Со той со лавки дубовой скамьи
Вставал удалой доброй молодец
По прозванью Дунай да сын Иванович.
Подходил Дунай ко князю Владимиру,
Нижешенько князю покланяется:
«Позволишь ли мне, князь, слово вымолвить?
Не позволь за слово казнить-повесить,
Але выслать меня да в ссылки дальняя».
Говорит-то солнышко Владимир-князь:
«Говори ты, Дунай, да не упадывай,
Ни единого словечка не утаивай —
Не будешь мной казнен, не будешь вешаной,
Не будешь выслан в ссылки дальняя».
Говорит тогда Дунай сын Иванович:
«Жил я за морем за синиим,
У Семена, царя Лиховитого,
Жил у него целых три года.
Есть у Семена три дочери:
Больша — Авдотья Семеновна,
Учена она в хитру грамоту,
Училась она ездить-гулять и конем владать,
И копьем шурмовать;
Втора дочь Анастасия Семеновна,
Учена она в хитру грамоту,
Училась она ткать и прясть и шелком шить;
Третья — Апросинья дочь Семеновна,
Станом статна, полна возрастом,
Лицем бела, волосом руса,
Речь-говоря тихо-смирная,
Тихо-смирная, со умылкою,
По полу идет — не трехнется,
Цветно платье на ней не ворохнется,
Сквозь ей рубашку тело видети,
А сквозь ей рубашку тело видети:
Из кости в кость мозг переливаются,
Как скачен жомчуг перекатаится, —
Есть кому перед князем стать,
И есть кому честь воздать».

Владимир-князь был догадливой,
Говорит князь да таково слово:
«Ой вы гой еси, мои стольнички,
Молодцы мои подносчики!
Наливайте-ко чару зелена вина,
Не велику, не малу — полтора ведра».
Скоро подносчики не замешкались,
Наливали чару зелена вина в полтора ведра,
Прибавляли чашу пива хмельного,
Турий рог да меду сладкого,
На закуску колачик бел-крупичатой,
И поднес князь чару Дунаю Ивановичу:
«Ой ты гой еси, Дунай да сын Иванович!
Выпей-выкушай от меня, князя Владимира».
Берет Дунай чару по праву́ руку
И пьет чару к ёдину́ духу.
Говорит тогда солнышко Владимир-князь:
«Съезди, Дунай, посватайся».
Говорит ему Дунай да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Дай мне-ка двух товарищов,
Одно́го — Добрынюшку Микитича,
Другого — Алёшиньку Поповича».
На то Владимир был догадливой:
«Ой вы ой еси, мои стольнички-подносчики!
Наливайте-ко вы чару зелена вина в полтора ведра».
На то стольнички не замешкались,
Наливали чару зелена вина в полтора ведра,
Подносил-то князь по чаре обоим богатырям.
«Съездите, робята, послушайтесь, посватайтесь».
Скоро робята сряжаются,
Скорé того да отправляются,
Выходили молодцы да все на улицу,
Спровожали их все да люди добрыи,
Говорит-то им солнышко Владимир-князь:
«Уж вы ой еси, удалы добры молодцы!
Поезжайте-ко вы да все посватайтесь».
Говорит тогда Дунай да сын Иванович:
«Добром отдадут — добром возьмем,

А добром не отдадут, дак боём возьмем,
Великой дракой-кроволитием».

Садились молодцы да на добрых коней,
Прощались со всимá да людьми добрыми —
Не видно поездки молодецкой,
Не видно побежки лошадиной.
Не много время миновалось,
Не дым лишь в поле — курива стоит,
Курива стоит, да дым столбом валит,
Гонят богáтыри да чисту полю.

Близко ле, далеко ле, скоро ле, долго ле —
Приежжали они в землю во неверную,
К Семену, царю да Лиховитому;
Слезали молодцы да со добрых коней,
Привязали коней к дубову столбу,
Вошли во гриню во столовую,
Отворяли во грине двери на пята,
Запирали двери крепко-на́плотно —
Подрожжала гриня царская.

Становились они на середка пол,
На середка пол — проти матицы:
У их-де там Богу не молятся,
На четыре стороны поклонятся.
Встречат их Семен, да Лиховитый царь,
Говорит-то Семен да таково слово:
«Приходи-ко, Дунай да сын Иванович,
И вы, удалы добры молодцы,
Садитесь-ко на лавочку брусовую.
Как вас суда ветры забросили?»

Отвечат-то Дунай да сын Иванович:
«Уж мы едем из земли из руськой,
Посланы мы от князя от Владимера
Свататься на твоей меньшóй дочери,
Афросинье Семеновне».

Говорит им Семен, Лиховитый царь:
«Я теперь вам не могу сказать —
У меня нет крыла в доме правого,
Авдотьи дочери Семеновны:
Сами знайте, чего хотите, то и делайте».

Говорит ему Дунай сын Иванович:
«Ты добром отдашь, мы добром возьмем,
А добром не отдашь, мы боём возьмём,
Великой дракой-кроволитием.
Где у тебя Афросинья дочь Семеновна?»
Говорит Семен, да Лиховитой царь:
«Сидит она да в занней горнице».
Говорит Дунай да сын Иванович:
«Льзя ли нам протти в занню горницу,
К Афросинье свет Семеновне?»
Зашли они в занню горницу,
Говорит Афросинья дочь Семеновна:
«Здравствуй, Дунай да сын Иванович,
Каки тебя сюда ветры забросили?»
Говорит Дунай сын Иванович:
«Ой ты гой еси, Афросинья дочь Семеновна!
Мы приехали к вам от того от князя от Владимира,
От Владимира красна солнышка,
Посланы мы тебя посвататься,
Посвататься, низко поклоняться,
Если добром идешь, дак добром возьмем,
А добром не идешь, дак и боем возьмем,
Великой дракой-кроволитием,
Скроем дом родительской по окошечкам».
Говорит Афросинья дочь Семеновна:
«Ведите родителя моего батюшка».
Пришёл Семен, Лиховитой царь,
Говорит она отцу, Семену, царю Лиховитому:
«Уж ты ой еси, родитель мой, отец-батюшко!
Приехали сватовшики от князя Владимира,
Добром пойду, хотят добром взять,
А добром не пойду, боем возьмут —
Чó станем, родитель-батюшко, с тобой делати?»
Говорит ей родитель — Семен, Лиховитой царь:
«Сряжайся, Афросинья Семеновна,
Нету у нас большой сестры Авдотьи Семеновны».
Сряжалася Афросинья Семеновна в платье цветное,
Совсем они направились, направились, приготовились.
Спровожают отец с матушкой

Афросинью дочь Семеновну,
Садил Дунаю на добра коня,
С Семеном тут распрощались.
Едут молодцы да по чисту полю.
Отъехали от земли от неверные,
Завидели на поле чистом шатер стоит,
Стоит шатер да чернobarхотной.
Говорит тут Дунай да сын Иванович:
«Уж вы ой еси, друзья мои, братья, товарищи!
Возьмите мою красну девушку
К себе на коня в седло,
А я съезжу сам до черна шатра,
Что в шатре там такó деется?»
Сдал он девицу своим товарищам:
«Я скоро съезжу ко черну шатру».
Погонил молодец да по чисту полю.
Пригонил-де Дунай да ко черну шатру.
У шатра-то конь стоит к сыру дубу завязаной,
Завязаной за шелковые поводы,
Насыпано пшена белоярого.
Слезавал Дунай да со добра коня,
Спустил коня к пшаной белояровой.
У дуба кони не поладились,
Разлегались кони, раскусались.
Дунай пошел во черной шатер —
Двери в шатре были заперты и заложены.
Дунаю это не поглянулося:
Очи ясные его да помутились,
Белы руки его да распростались,
Рванул двери он шатровые —
Сорвались все крючки-петельки.
Завидел он: спит паленица, разметалася,
Не мог утерпеть тогда доброй молодец:
.....
.....
Утешился удалой доброй молодец —
.....
Проснулася тогда красна девица,
Глянула на удала добра молодца:

«Просмешники Дунай да сын Иванович,
Надсмеялся надо мной, да красной девицей,
За это примешь суд от царя и от Бога.
Ты засеял мне, может, три отрока —
Куда топерь я деваюсь?»
Говорит Дунай сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Авдотья дочь Семеновна!
Повезу я тебя да в стольной Киев-град.
Мы были у твоего батюшки-родителя,
Посланы от князя от Владимира
Свататься на твоей сестре Афросинье Семеновне;
Сосватались мы и везем ее до князя Владимира».
Авдотья тут загорюнилась,
Промеж себя она взгоревалася, призадумалась,
Что попала она во несчастьице.
Как Авдотье да делать нечего,
Поехала она с Дунаем в стольной Киев-град.
Не могли настичь на поле чистом добрых молодцов,
Приезжали ко граду ко Киеву.
Приехали в стольный Киев-град,
У князя пир идет да больше старого.
Заходит Дунай во гриню во столовую,
Заводит Авдотью дочь Семеновну,
Завидел солнышко Владимир-князь,
Топеря стали они свадьбу делати:
Старого казака стал князь ставить тысяцким,
Дуная Ивановича стал — дружкою,
Добрыню Микитича — дру́гою,
Скопина Михаила Ивановича — бережа́телем.
Собрали попов, отцев духовных,
Весь чин церковной —
Повенчали князя Владимира.
Женить стали Дунай сын Ивановича:
Князя поставили тысяцким,
Старого казака — бережателем,
Добрыню — большой дружкою,
Олёшу — меньшей дружкою, —
Повенчали Дуная сын Ивановича.
Со той со радости великой

Завелся пир да больше старого;
Пировали-столовали много времени,
Напился Дунай до пьянешинька,
Во хмелю-то он, детина, несуразен был,
Из речей детина вышибается,
Худыма словами он да похваляется:
«Ох ты бледь, Авдотья дочь Семеновна!»
Говорит Авдотья дочь Семеновна:
«Кабы я была в доме батюшка родителя,
Я бы съездила по твоей шее белой саблей вострою,
А топерь ты надо мной изгиляишься,
Изгиляишься, да искитаишься,
Надо мной, над красной девицей, ломаишься».
Тут Дунай да сын Иванович
Схватил Авдотью за русы косы.
Говорит Авдотья дочь Семеновна:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Иванович!
Не хватай меня за русы косы,
Я слышу по себе — нынь беременна,
И засеяны во моей утробе два отрока».
Тут взял Дунай Авдотью выше буйной главы,
Бросил ей да о кирпичат пол —
Тут Авдотье смерть случилось.
С той со ярости с великой
Вынимал он чинжалище-булатен нож,
Распорол у Авдотье живот и груди белые,
А когда завидел во чреве двух отроков,
Не мог стерпеть тогда он этого —
Разрезал свои груди белые.
Тут Дунаю смерть случилась.

*(Зап. Ончуковым Н. Е.; июнь 1901 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от
Дуркина Дмитрия Карповича, 40—45 лет.)*

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.